

ДВЕ ЗАПИСИ В ДНЕВНИКЕ

Публикация В. Александрова

1

Осенью 1851 г., на пути в Ниццу, во время кораблекрушения в Средиземном море погибли мать и сын Герцена. «Едва-едва оправившаяся Natalie не вынесла этого удара,— вспоминал Герцен.— Со дня гибели моей матери и Коли она не выздоравливала больше. Испуг, боль остались, вошли в кровь... При виде этих страданий, переходивших в нервную болезнь, при виде ее блестящих глаз и увеличивающейся худобы, я в первый раз усомнился, спасу ли я ее...» (XIII, 541).

Со смертью Натальи Александровны 2 мая 1852 г. Герцен потерял близкого человека, единственного—в этот период жизни на чужбине—друга и единомышленника. Огарев находился в ту пору в России. Естественно, что в эти годы Герцен чувствовал себя глубоко одиноким.

Приезд в Лондон Огарева (вместе с Н. А. Тучковой-Огаревой) 9 апреля 1856 г. явился для Герцена большим событием. В дневниковой записи, относящейся к маю 1856 г., Герцен писал в связи с приездом Огаревых: «Первый раз после осени 1851 на меня повеяло чем-то домашним, я опять мог с полной теплотой и без утайки рассказывать то, о чем молчал годы...» (XVIII, 366; Лемке ошибочно датировано: 9 апреля 1866 г.; подлинник в записной книжке Герцена, хранящейся в ИРЛИ). Публикуемая нами запись о приезде Огаревых датирована 5 мая 1856 г. По содержанию печатаемого текста следует сделать несколько уточняющих пояснений.

Герцен дважды допускает в записи ошибку в указании на свой возраст; 6 апреля (н. ст.) 1856 г. Герцену исполнилось сорок четыре года и пошел сорок пятый, а не сорок четвертый год.

Об эпизоде со сломавшимся кольцом Герцен на другой день, 6 мая 1856 г., писал М. К. Рейхель: «А сказывал ли я вам, что в день моего рождения, т. е. в ночь, без всякой причины, сломилось мое серебряное обручальное кольцо?» (VIII, 280).

Встретившись с Огаревым впервые после длительной разлуки, Герцен был поражен его болезненным видом. В апреле—мае 1856 г. состояние здоровья Огарева действительно вызывало серьезную тревогу не только у его друзей, но и у лечившего его врача Девила.

В упомянутой выше дневниковой записи из записной книжки Герцена были зачеркнуты следующие слова: «...два-три человека в гробу. О<гарев> на краю его» (в публикации Лемке не воспроизведено, приводится по подлиннику). Однако вскоре наступил спасительный перелом: 15 мая 1856 г. Герцен писал М. К. Рейхель: «Огарева здоровье очень поправляется» (VIII, 281), а 27 мая сообщил: «Здоровье Огар<ева> улучшилось до того уже, что Девиль считает его вне неминуемой опасности...» (VIII, 304).

⟨РОВНО МЕСЯЦ ТОМУ НАЗАД...⟩

5 мая 1856

Ровно месяц тому назад поздно вечером я сидел с двумя-тремя приятелями, пришедшими встретить мое рождение — начало сорок четвертого года. Я случайно взглянул на руку и смешался: мое серебряное обручальное

кольцо с надписью «Н. Г. 1838 мая 9», которое я ношу с того времени, сломилось. Я не мистик и не люблю мутить мысли предчувствиями, но на этот раз сломанное кольцо навело на меня раздумье.

Не прошло еще месяца, и этот сорок четвертый год оказался одним из важнейших; в самом деле, это начало выхода: кольцо разнимается.

9 апреля мы вставали из-за завтрака, как вдруг Тата сказала: «Какая-то карета остановилась у нашей решетки и с чемоданам<и>». Я уверен был, что это ошибка, потому что не ждал никого. Это был Ог<арев> и Н<аталья> Ал<ексеевна>—но всё поразительное, неожиданное этого свидания было покрыто двумя черными флерами: смерть Н<атали>, с одной стороны, с другой — страшно болезненное выражение лица О<гарева>. Первая мысль, после удивления, шума и нервного оглушения: «Он очень болен» — отравила радость. И вот в ту торжественную минуту, которой я только и ждал еще, о которой едва смел мечтать... точно что-то резнуло глубоко по сердцу, и, очутившись в первый раз спустя пять лет с другом, с которым привык к безграничному откровению, — я должен был сделать гигантское усилие, чтоб скрыть от него, <что> было внутри. Я не ошибся. — Девиль на другой день подтвердил мне все мои опасения.

Автограф. ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 19, л. 1.

2

В ночь с 3-го на 4-е декабря 1864 г. умерла от дифтерита трехлетняя дочь Герцена и Н. А. Тучковой-Огаревой Елена (Леля-гэрл), через неделю — 11 декабря — умер сын Алексей (Леля-бой). Смерть близнецов глубоко потрясла Герцена. 18—19 декабря 1864 г. он писал старшей дочери и М. Мейзенбуг: «Какую мрачную и страшную страницу я пережил, все мы пережили, трудно сказать вам это. Я присутствовал при ужасающем зрелище самой жестокой смерти — смерти от удушья — этих двух детей. Я держал девочку во время операции трахеотомии и закрыл глаза мальчику... Все это сразу; удар за ударом... как сон...» (XVII, 427, перев. с франц.).

Публикуемая запись относится к этим событиям и сделана Герценом в дневнике накануне четвертой годовщины смерти близнецов.

«ОПЯТЬ ПРИБЛИЖАЕТСЯ СТРАШНАЯ ГОДОВЩИНА...»

Цюрих. 29 ноября 1868 г.

Опять приближается страшная годовщина — смерти детей. Сколько раз хотел я записать для себя, для детей эти дни, эти ночи, страшное 4 декабря — пока не могу. Разве новое несчастье станет между им и воспоминанием. Свежая боль осадит прошедшую.

Автограф. ИРЛИ. Записная книжка Герцена. — Публикуемые строки помещены в книжке вслед за записью от 27 ноября 1868 г. (XXI, 151—152).